

Художникъ и моралистъ въ Л. Н. Толстомъ.

(Речь проф. А. П. Кадлубовскаго).

„Другъ мой, вернитесь къ литературной дѣятельности!.. Другъ мой, великій писатель русской земли, внимайте моей просьбѣ“. Такъ заклиналъ Л. Н. Толстого со смертнаго одра въ своемъ знаменитомъ письмѣ Тургеневъ, въ 1883 году. Онъ убѣждалъ его стать вновь художникомъ слова, представъ быть религіознымъ мыслителемъ и моралистомъ. Толстой-художникъ и Толстой-моралистъ, это въ пониманіи Тургенева два различные образа, представляемые разными эпохами его жизни, на рубежѣ которыхъ стоитъ душевный переворотъ. Это и обычное пониманіе. О переворотѣ говорить самъ Толстой въ „Исповѣди“ и другихъ сочиненіяхъ, говорятъ его біографы, говорятъ въ широкихъ кругахъ общества; послѣ переворота не художественные образы, а религіозная идея царитъ въ его душѣ, не воспроизведеніе жизни, а „заглядываніе за предѣлы жизни“ замѣчаютъ у него біографы. И оба эти момента дѣятельности Толстого нерѣдко столь различно оцѣниваются.

Но съ другой стороны самъ Толстой говорить о переворотѣ, что онъ „давно готовился“, и что „задатки его всегда были“ въ его душѣ¹⁾. И, дѣйствительно, если мы всмотримся въ дѣятельность писателя, то значительно сгладятся передъ нами рѣзкія черты переворота. Разница несомнѣнна, но есть и глубокая связь между обоими моментами его дѣятельности. Да и слишкомъ цѣльной фигурой былъ Толстой, чтобы онъ могъ столь быстро и рѣшительно мѣняться; онъ, дѣйствительно, мѣнялся, мѣнялся до противорѣчій, но эти противорѣчія касались не основъ его міросозерцанія, а примѣ-

¹⁾ П. Бирюковъ, Л. Н. Толстой, II, 309.

ненія ихъ, выводовъ изъ нихъ; основы же міросозерцанія медленно, но неуклонно, послѣдовательно, все ярче раскрываются ему и съ давняго времени видны въ его произведеніяхъ: не только въ „Аннѣ Карениной“, но и въ „Войнѣ и Мирѣ“, и въ педагогическихъ статьяхъ, и уже въ первомъ произведеніи: „Дѣтство, отрочество и юность“. Даже въ мелочахъ, даже въ отдѣльныхъ выраженіяхъ можно видѣть сходство, до совпаденія между тѣмъ, что мы находимъ въ сочиненіяхъ перваго и втораго періодовъ. Вотъ! нѣсколько примѣровъ.

„Жизнь есть все. Жизнь есть Богъ... Пока есть жизнь, есть наслажденіе самосознанія Божества. Любить жизнь — любить Бога“. Кто это говоритъ? Пьеръ Безухій, во второй части „Войны и Мира“; и почти то же, но болѣе ясно и связно говоритъ самъ Толстой въ „Исповѣди“. „Какъ легко, какъ мало усилій нужно, чтобы дѣлать такъ много добра, и какъ мы мало объ этомъ заботимся“; это слова того же Пьера; и какъ часто мы находимъ ихъ въ правоучительныхъ сочиненіяхъ Толстого, какъ часто вообще Пьеръ говоритъ и думаетъ то, что впослѣдствіи говоритъ самъ Толстой. А споры Пьера съ Андреемъ Болконскимъ о вѣчной жизни! А дивныя страницы, гдѣ изображается душевное просвѣтленіе князя Андрея, его примиренное настроеніе, когда „въ его душѣ распустился цвѣтокъ любви вѣчной“, и когда онъ любовью проникся къ злѣйшему врагу своему! Развѣ это не чудная иллюстрація къ словамъ Толстого-моралиста о любви, всепрощеніи? А вотъ слова, обращенныя къ воюющимъ людямъ: „Довольно, довольно, люди! Перестаньте. Опомнитесь, что вы дѣлаете?“ Неустанно говорилъ эти слова Толстой-моралистъ, но гораздо раньше они слышались ему въ шумѣ дождя, накрапывавшаго на поле Бородинской битвы и изображеннаго имъ въ „Войнѣ и Мирѣ“. Такихъ совпаденій можно найти очень и очень много. А уходъ Толстого изъ дому, этотъ удивительный предсмертный уходъ, который яркимъ аккордомъ завершилъ его полную исканія правды жизнь и удостовѣрилъ нравственную цѣльность его душевнаго образа для многихъ, сомнѣвавшихся въ ней! Толстой давно переживалъ потребность такого ухода и воплотилъ ее

въ одномъ изъ лучшихъ своихъ образовъ, которые являются носителями его идеаловъ кротости, любви, правды, самоотреченія, въ образѣ княжны Марьи Болконской: недаромъ она проводитъ время съ странницами и богомолками и сама стремится уйти въ странствіе: „она, наконецъ, рѣшила, что, какъ ни странно это было,—ей надо было идти странствовать... Княжна Марья припасла себѣ полное одѣяніе странницы... Въ воображеніи своемъ она уже видѣла себя съ бѣдосьюшкой, въ грубомъ рубищѣ, шагающей съ палочкой и котомочкой по пыльной дорогѣ, направляя свое странствіе безъ зависти, безъ любви человѣческой, безъ желаній, отъ угодниковъ къ угодникамъ... «Приду къ одному мѣсту—помолюсь; не успѣю привыкнуть, полюбить—пойду дальше и буду идти до тѣхъ поръ, пока ноги подкосятся, и лягу и умру гдѣ нибудь, и приду, наконецъ, въ ту вѣчную, тихую пристань, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія»... думала княжна Марья“. И черезъ сорокъ пять лѣтъ послѣ того, какъ были написаны эти строки, ихъ авторъ самъ пошелъ, наконецъ, въ подобное странствіе...

Впечатлѣніе будетъ сильнѣе, если мы всмотримся въ то міропониманіе, которое лежитъ въ основѣ произведеній Толстого и, можетъ быть, съ особою яркостью высказалось въ „Войнѣ и Мирѣ“. Дѣло въ томъ, что о рѣзкости душевнаго переворота въ Толстомъ говорятъ по преимуществу тѣ, кто цѣнитъ въ немъ, какъ художникъ, яркаго изобразителя разнообразнѣйшихъ явленій жизни. Да, онъ дивный живописатель: онъ все, кажется, въ жизни понимаетъ, все ему открыто; онъ все замѣчаетъ, все улавливаетъ своимъ чуткимъ сердцемъ, все помнитъ, отъ великаго до малаго; къ явленію, которое мы пропускаемъ сплошь и рядомъ мимо, онъ отнесется любовно и внимательно, покажетъ намъ его красоту и смыслъ. И подробности богослуженія, и охота, и война, жизнь лагеря, обыденная крестьянская обстановка, жизнь пчелинаго улья (вспомнимъ сравненіе опустѣвшей Москвы съ ульемъ), мысли и чувства лошади... все такъ удивительно воспроизведено имъ; онъ все знаетъ съ обстоятельностью специалиста и съ поразительнымъ мастерствомъ умѣетъ все изобразить. Но, вѣдь, это одинъ, можно сказать—

объективный, элементъ поэзіи; въ ней, какъ вообще въ искусствѣ, есть другой элементъ, субъективный: изъ безпредѣльнаго міра явленій художникъ дѣлаетъ выборъ; но и выбранное онъ изображаетъ сквозь призму своей души; его образы—это способъ объясненія міра и жизни со своей точки зрѣнія; это средство дѣлиться съ нами своимъ міропониманіемъ; это такъ называемая „внутренняя форма“ поэзіи, ея существенное свойство; въ соприкосновеніи съ душою художника открывается для насъ огромный источникъ наслажденія, тѣмъ высшаго, чѣмъ яснѣе образы, вводящіе насъ въ его душу, и чѣмъ чище и выше его настроеніе, чѣмъ глубже его пониманіе.

Въ художественныхъ созданіяхъ Толстого съ рѣдкою ясностью выразилось его личное міропониманіе. Основа его—идея религіозно-нравственная, и содержаніе ея близко къ его моральному ученію послѣдняго періода.

Біографъ говоритъ о „заглядываніи за предѣлы жизни“ въ этомъ періодѣ; но имъ полны художественныя созданія Толстого, и самое слово „заглядывать“ взято у его Пьера¹⁾. Какъ часто изображаетъ онъ намъ таинство смерти, какъ глубоко провидѣлъ онъ душу умирающаго, и какъ далеко проникалъ его взоръ, до крайнихъ предѣловъ жизни, точно стремясь перейти за роковую грань, отдѣляющую жизнь отъ тайнъ вѣчности; какъ часто любимые герои его, надѣленные имъ его собственными душевными переживаніями, волнуются вопросами о переходѣ въ иной, таинственный міръ. За пестрымъ міромъ явленій онъ такъ любитъ чувствовать высшія силы, общія начала жизни; а смерть, какъ и рожденіе человѣка, были для него обстоятельствами, при которыхъ эти высшія силы особенно чувствуются, были „какъ будто отверстіями, сквозь которыя показывается что-то высшее“²⁾. Великій реалистъ, любящій и рисующій жизнь во всей ея полнотѣ, онъ, однако, такъ любитъ изображать эти таинственные моменты, да и другіе подобные моменты, когда человѣкъ, подъ вліяніемъ особаго напряженія своего духов-

---

¹⁾ „Война и Миръ“, т. II, ч. II, гл. 12.

²⁾ „Анна Каренина“, ч. VII, гл. 14.

наго существа, какъ бы соприкасается съ вышею силою, провидитъ больше обыкновеннаго; въ такомъ состояніи герои его достигаютъ удивительнаго взаимнаго пониманія, хотя бы немощное слово ихъ и не могло раскрыть вполнѣ ихъ душевнаго міра; на этомъ чуткомъ взаимномъ пониманіи строится любовь у лучшихъ его героевъ; это—и въ „Семейномъ счастьѣ“, и въ „Войнѣ и Мирѣ“, и въ „Аннѣ Карениной“ (Левинъ и Кити); и благодаря такой точкѣ зрѣнія эта любовь становится какимъ-то особенно сладкимъ чувствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ даже страшнымъ тѣмн глубинами душевной жизни, которыя оно открываетъ.

Такое устремленіе вниманія въ область высшихъ міровыхъ началъ жизни составляетъ какъ бы основу всего грандіознаго зданія его литературной дѣятельности. И съ высоты этого воззрѣнія онъ смотритъ на жизнь человѣка; онъ такъ чувствуетъ ничтожество уединенной человѣческой личности; онъ старается уловить таинственное, неуловимое, но могучее стремленіе массъ человѣческихъ и ихъ дѣлаетъ вершителями судебъ историческихъ; крѣпокъ и истинно жизненъ для него тотъ, кто провидитъ высшія начала жизни, кто чувствуетъ жизнь народа, кто сознаетъ свою немощъ и восполняетъ ее братскою любовью и участіемъ къ другимъ, къ слабымъ людямъ, отказываясь отъ своей личности; и немощъ человѣка исчезаетъ за мощью народа. Вспомнимъ Кутузова съ его чуткимъ вниманіемъ къ народному духу, источникомъ спокойной его силы. Сліяніе съ народной массой или стремленіе къ нему противоположно всякой рисовкѣ, напротивъ, ведетъ къ скромности и простотѣ. Толстой давно уже видѣлъ красоту жизни и правду ея въ простой обстановкѣ крестьянина; въ „Войнѣ и Мирѣ“ безграмотный солдатъ Платонъ Каратаевъ научалъ высокообразованнаго аристократа Пьера Безухова правдѣ жизни задолго до Толстовской проповѣди опрощенія; но и еще раньше, съ первыхъ лѣтъ художественной дѣятельности Толстого мы уже чувствуемъ у него это отношеніе къ крестьянину. Личную истинную радость его герои испытываютъ тогда, когда они проникаются любовью къ людямъ, духомъ прощенія и самоотреченія; тогда и жизнь имъ становится легка и ясна; путемъ стра-

даній, просвѣтляясь и очищаясь ими, доходятъ большею частью они до этого состоянія; такую „радость прощенія“ испыталъ и сухой Каренинъ, и то, что было источникомъ его страданій, стало источникомъ его духовной радости, то, что казалось неразрѣшимымъ, когда онъ осуждалъ, упрекалъ и ненавидѣлъ, стало просто и ясно, когда онъ прощалъ и любилъ“ ¹⁾. Такимъ образомъ, если исканіе правды и добра отличаетъ Толстаго-проповѣдника, то вѣдь на немъ построены и его художественные образы. А гдѣ нѣтъ любви и смиренія, добра и правды, тамъ жизнь, хотя бы казалась красивой, представляется ему жалкой и смѣшной. И если въ послѣднемъ періодѣ Толстой нападаетъ на фальшь и ложь нашей жизни, на ея мишурную красоту и блескъ, бичуя всякую ходульность, эгоизмъ, такъ и въ художественныхъ образахъ разоблачалъ онъ истинное ничтожество ходульнаго, мнимаго героизма, изобличалъ ложное, эгоистическое величіе; съ гигантской силы юморомъ рисовалъ онъ въ „Войнѣ и Мирѣ“, въ противоположность Кутузову, призрачное величіе Наполеона. Обманчивую красоту свѣтской жизни Толстой-художникъ также раскрываетъ передъ читателемъ, обнажая ея фальшь и зло, съ тою же безпощадностью, съ какой это онъ дѣлалъ позднѣе, какъ моралистъ. Стоитъ вспомнить хотя бы сцены салонной жизни въ „Войнѣ и Мирѣ“ или хотя бы тѣ проникнутыя ѣдкимъ юморомъ страницы „Анны Карениной“, гдѣ Вронскій считаетъ свои весьма не малые доходы, которыхъ однако не хватаетъ на покрытіе его потребностей, и гдѣ приводятся правила, которыми руководился онъ въ жизни, и которыя „были несомнѣнны“ для него ²⁾.

Такъ художественное чутье опережало теоретическую мысль автора. Во второмъ періодѣ нравственно-религіозныя воззрѣнія его выражаются уже въ формѣ теоретической проповѣди; разбросанные лучи религіозно-нравственнаго міросозерцанія ясно сознаны теперь и приведены въ систему, найдя себѣ средоточіе и твердую опору въ Евангеліи; а

---

¹⁾ „Анна Каренина“, ч. IV, гл. 19.

²⁾ Часть III, гл. 19—20.

главное отличіе этого періода то, что Толстой теперь старается дать своимъ принципамъ практическое примѣненіе къ жизни, какъ собственной, такъ и другихъ людей, призывая ихъ къ Богу, къ размышленію о смыслѣ жизни, къ любви и простотѣ, убѣждая ихъ перестроить жизнь въ духѣ его идей.

Но художникъ не умеръ въ Толстомъ и послѣ „Анны Карениной“: онъ пишетъ „Смерть Ивана Ильича“, „Хозяина и Работника“, „Воскресеніе“; да и въ теоретическихъ своихъ разсужденіяхъ онъ прибѣгаетъ постоянно къ образнымъ поясненіямъ своей мысли, такимъ иногда мѣткимъ, яснымъ, всегда простымъ и потому особенно убѣдительнымъ. Много этихъ образовъ особенно въ сочиненіи „О жизни“, также въ „Исповѣди“ и другихъ трудахъ. Иногда это старый, избитый образъ, который получаетъ у Толстого новую жизнь и силу: таковъ образъ челнока въ морѣ, означающій нашу жизнь; большинство образовъ взяты изъ самой обыденной дѣйствительности, всѣмъ извѣстной: припомнимъ сравненіе жизни съ мельницей (начало сочиненія „О жизни“, гдѣ сравнивается человекъ, разсуждающій о жизни и изслѣдующій ея смыслъ, съ мельникомъ, изучающимъ мельницу); сравненіе житейской сутолоки съ оживленною толпою у входа въ какое-нибудь собраніе, толпою, которую неопытный человекъ принимаетъ за самое собраніе; сравненіе человека, не интересующагося вопросами о смыслѣ жизни, объ истинномъ ея благѣ,—со слѣпымъ, который „тыкаетъ передъ собою палкой и утверждаетъ, что и нѣтъ ничего, кромѣ того, что показываетъ ему оцупъ палкой“; изученіе законовъ вещества, если изучающій признаетъ только животное существованіе человека, „подобно,—говоритъ Толстой,—тому, что бы дѣлалъ человекъ, внимательно изучая всѣ измѣненія и движенія тѣни живого существа, предполагая, что причина движенія живого существа заключается въ измѣненіяхъ и движеніяхъ его тѣни“; укажу еще превосходные образы въ „Послѣсловіи къ Крейцеровой сонатѣ“, которыми Толстой хочетъ охарактеризовать значеніе христового ученія, какъ высочайшаго идеала: сравненіе его съ фонаремъ, который путникъ несетъ передъ собою на шестѣ, и который потому всегда

впереди его и освѣщаетъ ему путь, въ отличіе отъ неподвижнаго, висящаго на стѣнѣ, фонаря; сравненіе его съ компасомъ или небесными свѣтилами, руководствуясь которыми можно смѣло пускаться въ открытое море. Впрочемъ, довольно: такихъ образныхъ поясненій очень много. Чуткій и внимательный къ жизни, художникъ и теперь подмѣчаетъ всякую мелочь, какъ и раньше; эта мелочь становится для него художественнымъ образомъ, въ которомъ воплощается важная, общая, жизненная мысль. Отмѣчу любопытный примѣръ въ статьѣ „Такъ что же намъ дѣлать?“ Мясникъ точилъ ножъ о камни тротуара; Толстой задумался надъ этимъ обстоятельствомъ, и оно становится для него образомъ, которымъ онъ пользуется для объясненія нѣкоторыхъ явленій жизни.

Разница съ предыдущимъ творчествомъ, между прочимъ, въ томъ, что Толстой тутъ же даетъ образу поясненіе, дѣлаетъ примѣненіе его къ жизни, вслѣдствіе чего самый образъ получаетъ значеніе служебное, обращается въ аллегорію, въ притчу. Но это толкованіе съ особою наглядностью и силою разъясняетъ намъ, почему и прежде, всегда его интересовало все, и великое и малое, вѣрнѣе—все для него было велико: ибо сквозь всякую мелочь видѣлъ онъ общее, важное; во всемъ чуялъ онъ проявленіе міровой жизни, вѣяніе „Всемірнаго Духа“, какъ онъ иногда выражался.

Проповѣдуя свои идеалы абсолютной правды, безпредѣльной любви и кротости, Толстой продолжаетъ и свою работу отрицанія и обличенія, бичуя все лживое, пустое, себялюбивое и гордое, въ чемъ бы онъ его ни усматривалъ, бичуя уже прямо, непосредственно, и безъ помощи художественнаго образа. И подъ часъ слишкомъ разойдется, бывало, его бичующая рука, опрокидывая наряду съ тѣмъ, что этого стоить, и предметы высокой цѣнности; не будемъ перечислять ихъ; вспомнимъ хотя бы нападки на Шекспира, на науку... Но важно, во имя чего онъ отрицаетъ; важно, что онъ непрестанно и страстно ищетъ правды и отрицаетъ то, въ чемъ видитъ фальшь и неправду, эгоизмъ и черствость, хотя бы иногда и ошибался, усматривая въ томъ или иномъ отдѣльномъ явленіи эту неправду, этотъ эгоизмъ.

AP 1261

И оттого не столь страшно отрицаніе Толстого: можно чтить въ немъ глашатая правды и любви, не раздѣляя многихъ и многихъ его отрицаній; въ разрушеніи его слышится созиданіе: онъ разрушаетъ тлѣнное, онъ стремится создать нетлѣнное, нетлѣнный храмъ добру и правдѣ въ сердцахъ человѣческихъ.

Не подобное ли впечатлѣніе производилъ и самъ Толстой, какъ живой человѣкъ? Мы привыкли къ его портретамъ, съ насупленными бровями, съ угрюмымъ какъ будто видомъ; и мы знаемъ, что многіе, помня этотъ образъ, боялись вступать съ нимъ въ общеніе; но всѣ вступавшіе въ общеніе съ нимъ рассказываютъ, какъ покорены бывали они его мягкимъ и ласковымъ взглядомъ, его пріятливою рѣчью, его ободряющимъ участіемъ...

Итакъ, и художникомъ оставался Толстой до конца своей литературной дѣятельности, и съ другой стороны никогда, и въ раннее время, не выходило изъ-подъ его пера произведенія безъ глубокой нравственно-религіозной идеи; могучимъ свѣтомъ этой идеи озарена та широкая картина жизни, которую даютъ намъ его художественныя созданія; и еще въ „Войнѣ и Мирѣ“ онъ далъ намъ ключъ къ уясненію художественныхъ образовъ своей грандіозной эпопеи въ знаменитыхъ словахъ: „нѣтъ величія тамъ, гдѣ нѣтъ простоты, добра и правды“. Разница двухъ періодовъ дѣятельности Толстого та, что въ первомъ художественный образъ господствуетъ въ его дѣятельности, выдвигается на первый планъ, хотя и стоитъ на религіозно-нравственной основѣ; во второмъ онъ отодвигается на второй планъ, служа уясненію прямой, непосредственно излагаемой проповѣди. И художникъ и моралистъ въ Толстомъ тѣсно связаны: моралистъ далъ прекрасный комментарий къ его художественнымъ созданіямъ, художникъ — прекрасныя иллюстраціи, образы для уясненія моральнаго его ученія. Передъ нами крѣпкая, цѣлостная личность, могучая въ своей искренности, непрестанномъ исканіи правды, послѣдовательно развивающая основныя начала своего міросозерцанія.

Своей основной идеѣ служилъ онъ, хотя и въ разныхъ формахъ, всю жизнь, устремляя свою мысль въ область вѣч-

наго, непреходящаго, „съ высоты взирая на жизнь“, уясняя и возвѣщая міру начала „простоты, добра и правды“, призывая людей къ водворенію царства любви кротости.

Немало наслажденій еще доставить намъ изученіе того длиннаго и труднаго процесса, которымъ онъ, медленно, но неуклонно, въ тяжкихъ бореніяхъ съ самимъ собою, восходилъ къ болѣе ясному созерцанію основъ своего міросозерцанія. Нынѣ смерть пресѣкла этотъ процессъ, который можетъ быть еще продолжался бы; можетъ быть, великій писатель не сказалъ своего послѣдняго слова. Но сущность его душевнаго міра уже достаточно раскрыта передъ нами. И вотъ, когда мы видимъ, какъ съ момента его болѣзни и послѣ его кончины высокое напряженіе охватываетъ русскій народъ, больше того—весь цивилизованный міръ, жадно всматривающійся въ образъ отошедшаго отъ насъ учителя, вслушивающійся въ его голосъ, и такъ долго поддерживается, не спадая,—не должны ли мы думать, что лучше начинаетъ сознаться цѣнность основныхъ положительныхъ началъ его проповѣди, и не даетъ ли намъ это явленіе хотя бы малый залогъ надежды на то, что его идеалы любви и мира когда нибудь найдутъ наконецъ осуществленіе? Хотѣлось бы вѣрить.

Л. Толстой, какъ художникъ въ оцѣнкѣ французской критики.

(Речь проф. С. В. Соловьева).

Les idées qui transforment l'Europe ne sortent plus de l'âme française.

M. de Vogüé ¹⁾.

Le roman russe, c'était l'humanité rentrant, toutes portes ouvertes, dans le naturalisme.

J. Texte ²⁾.

Блестящая классическая литература вѣка Людовика XIV возвратила французамъ ту гегемонію, которая принадлежала имъ въ области художественнаго творчества въ средніе вѣка. Вѣкъ энциклопедистовъ, Вольтера и Руссо еще въ большей степени привлекаетъ всеобщее вниманіе къ Франціи. Гордые французы свысока смотрятъ на произведенія сосѣднихъ литературъ, глубоко вѣруя, что только они одни стоятъ на передовыхъ постахъ европейской цивилизаціи. Литературный космополитизмъ Мерсье и знаменитая книга о „Германіи“ г-жи Сталь не смирили національной гордости французовъ... Въ вѣкъ Виктора Гюго и Бальзака чужеземныя литературы туго проникаютъ не только въ общество, но и въ кружки французскихъ писателей.

Неудивительно, что, при нетерпимости къ литературамъ ближайшихъ сосѣдей, французы долго не имѣли представленія о литературѣ далекой Россіи ³⁾. Авторъ „Soirées de Saint Pétersbourg“—Жозефъ де Мэстръ, жившій въ Россіи въ

¹⁾ Le Roman russe.

²⁾ Les relations littéraires de la France avec l'étranger.

³⁾ По отзыву Дидро, „les Russes sont pourris avant d'être mûrs“...

царствованіе Александра I, въ своемъ интересномъ трудѣ совершенно умолчалъ о русской литературѣ. Его современница г-жа Сталь посѣтила Россію въ то время, когда Россія готовилась къ войнѣ съ Наполеономъ. Впослѣдствіи знаменитая писательница подѣлилась своими впечатлѣніями о Россіи и русскихъ въ мемуарахъ. Здѣсь читатели познакомились съ русской „малоизобрѣтательной природой“, съ крестьянами, въ которыхъ есть „нѣчто пріятное и милое“; познакомились съ петербургскимъ высшимъ свѣтомъ и узнали, что „нѣкоторые изъ русскихъ дворянъ пытались блистать въ литературѣ и выказали талантъ на этомъ поприщѣ, что русскіе впадаютъ въ ошибку многихъ другихъ народовъ материка: они подражаютъ французской литературѣ, которая даже по своимъ красотамъ подобаешь только французамъ“¹⁾.

Маркизь де Кюстинъ, посѣтившій Россію въ 1839 году, только на родинѣ Пушкина узналъ отъ француза гувернера о преждевременной смерти нашего великаго писателя, о которомъ ранѣе имѣлъ самое поверхностное представленіе—можетъ быть, по небольшому сборнику „La Balalaïka“, вышедшему въ Парижѣ въ началѣ тридцатыхъ годовъ: въ него вошло нѣсколько стихотвореній Пушкина. Извѣстная статья Мицкевича, помѣщенная въ „Le Globe“ въ годъ смерти поэта, очевидно, осталась неизвѣстна маркизу, автору чрезвычайно цѣнныхъ мемуаровъ о Россіи въ эпоху императора Николая I²⁾.

Только съ пятидесятихъ годовъ начинается пробуждаться во Франціи интересъ къ русской литературѣ, между прочимъ, у Проспера Меримэ; онъ первый изъ писателей второй имперіи изучилъ русскій языкъ³⁾, перевелъ „Пиковую

• 1) Dix années d'exil. Paris, 1821. Французская писательница не упоминаетъ о вліяніи на русскую литературу нѣмецкаго романтизма. До 1812 г. уже появились „Людмила“ Жуковского—передѣлка „Леноры“ Бюргера, „Свѣтлана“ и рядъ переводовъ изъ Шиллера и другихъ нѣмецкихъ поэтовъ.

2) „La Russie en 1839“. Paris, 1843. Маркизь де Кюстинъ не понималъ Пушкина (Pouskine) и не призналъ въ немъ истинно русскаго поэта (un vrai poète moscovite).

3) До статей Меримэ Пушкину были посвящены небольшіе очерки въ „Revue indépendante“, 1843 и „Illustration“, 1845 и прекрасный этюдъ

даму“, помѣстилъ въ „Revue des deux Mondes“ статью о Гоголѣ, далъ неполный переводъ „Ревизора“ и въ „Portraits historiques“ поставилъ Пушкина на ряду съ корифеями западной литературы.

Но и Меримэ не сблизилъ Францію съ литературнымъ міромъ Россіи... Еще въ семидесятыхъ годахъ Тургеневъ жаловался Альфонсу Додэ, что его произведенія мало расходятся во Франціи; его имя тамъ все неизвѣстно, и книгопродавецъ Hetzel, какъ бы изъ милости, издаетъ его произведенія... И Тургеневъ, по словамъ А. Додэ, страдалъ, что ему приходилось жить въ неизвѣстности въ той странѣ, которая была ему такъ дорога. Жалобы Тургенева не удивили французскаго романиста: „nous autres français vivons dans une ignorance extraordinaire de toute littérature étrangère... ¹⁾).

Недостаточно популярный во Франціи авторъ „Записокъ охотника“ становится первымъ пропагандистомъ произведеній Толстого. Получивши отъ княгини Паскевичъ пятьдесятъ экземпляровъ „Войны и Мира“ въ переводѣ на французскій языкъ, Тургеневъ спѣшитъ ознакомить съ этимъ романомъ Тэна, Эдмона Абу, Андрэ Терье, Флобера, Альфонса Додэ и Зола. Первымъ откликнулся Флоберъ: „какая первоклассная вещь! какой художникъ, какой психологъ! Да вѣдь это Шекспиръ! я кричалъ отъ восторга: какъ это сильно (c'est fort, très fort)“! ²⁾).

Тургеневъ ждетъ дальнѣйшихъ отзывовъ французской критики, напоминаетъ о Толстомъ Бюрти, Дюрану, Зола; за-

---

de Saint-Julien'a („Revue des deux Mondes“, 1847). Въ 1854 въ томъ-же журналѣ помѣщена статья С. Роберт'a „La poésie slave au XIX siècle“, въ которой авторъ, между прочимъ, даетъ своеобразную характеристику поэзіи Пушкина.

Объ отзывахъ французской критики о Пушкинѣ см. замѣтку Н. С. Гольдина „Пушкинъ въ отзывахъ западной критики 40—50-хъ годовъ“, Харьковскій университетскій сборникъ въ память А. С. Пушкина. Харьковъ. 1900.

¹⁾ A. Daudet, Trente ans de Paris. A travers ma vie et mes livres.

²⁾ E. Halpérine-Kaminsky, Ivan Tourgueneff d'après sa correspondance avec ses amis français. Paris. 1901.

ботится о переводѣ „Козаковъ“... Но популярность автора „Войны и Мира“ и „Анны Карениной“ еще не растетъ и не заходитъ за предѣлы литературныхъ салоновъ.

Многіе французскіе литераторы, увидѣвши три толстыхъ тома „Войны и мира“ испугались... Такіе длинные романы хороши для обитателей степей; пожалуй, можно было бы познакомиться съ „Войною и Миромъ“, еслибы это произведение вышло въ свѣтъ въ то время, когда отъ Парижа до Тулузы ѣхали восемь сутокъ, но не тогда, когда всю Францію проѣзжаютъ въ двадцать четыре часа ¹⁾.

Познакомившись съ русской *Иліадою*, съ этою эпопеею не имѣвшею себѣ равной ни въ одной изъ западныхъ литературъ, французскіе литераторы пришли къ заключенію, что „Война и Миръ“—единственное въ своемъ родѣ произведение. Но... это были отзвуки небольшой группы людей, прикосновенныхъ къ литературѣ; общество же, воспитавшееся на Стендалѣ и „Человѣческой комедіи“ Бальзака, общество, съ жадностью поглощавшее все, что входило въ серію когда-то много нашумѣвшихъ „Ругонъ-Макаровъ“, не имѣло представленія о „великомъ писателѣ земли русской“, пока не появился на страницахъ „Revue des deux Mondes“ литературный манифестъ, бывшій дѣйствительно откровеніемъ для французовъ—статьи виконта Мельхіора де Вогюэ о Тургеневѣ, уже болѣе или менѣе извѣстномъ, статьи о Гоголѣ, Достоевскомъ, Толстомъ...

И передъ французской читающей публикой промелькнула несчастная шинель Акакія Акакіевича, послышалось что-то преклоняющее на жалость въ его словахъ—„оставьте меня! зачѣмъ вы меня обижаете!“.. А затѣмъ раздался кроткій возгласъ скромнаго Макара Алексѣевича Дѣвушкина—„полно о себѣ одномъ думать, для себя одного жить!“...

И цѣлая фаланга „бѣдныхъ людей“, сѣренкихъ, забытыхъ жизнью, обездоленныхъ и униженныхъ, взывала о жалости, призывала къ углубленію въ человѣческую душу, которой не понять однимъ *экспериментальнымъ* методомъ... А нѣкоторыя русскія души заставили призадуматься поклон-

¹⁾ E. M. de Vogüé, Le Roman russe.

никовъ французскаго реализма и натурализма... душа покорнаго Каратаева, совершившаго такой переворотъ въ міросозерцаніи Пьера Безухого, душа Федора, бесѣдующаго съ Левинымъ и дающаго барину совѣтъ—*не жить для себя, а для Бога...* да, наконецъ, и душа самого барина, жадно ловившаго простыя и вѣчно живыя слова Федора, барина, сказавшаго себѣ: *остается только любить и вѣрить...*

Эти простыя и вмѣстѣ съ тѣмъ загадочныя души, такъ геніально обрисованныя русскимъ художникомъ, заставили надъ многими призадуматься сторонниковъ экспериментальнаго изслѣдованія фактовъ.

Вогюэ медленно и съ большими перерывами читалъ и перечитывалъ „Войну и Миръ“ и другія произведенія Толстого. Впечатлѣніе, по его словамъ, все усиливалось: онъ поработался властью этого таланта, искалъ Толстому какихъ нибудь аналогій въ другихъ литературахъ, но ни съ чѣмъ не могъ сравнить, и большинство извѣстныхъ французскому критику романовъ казалось ему ложными, скучными, слабыми ¹⁾.

Вогюэ познакомился съ „Козаками“ и пришелъ къ заключенію, что уже этою повѣстью въ сущности открывается новая эра въ русской литературѣ: здѣсь замѣчается окончательный разрывъ русской поэтики съ байронизмомъ и романтизмомъ, разрывъ въ самомъ центрѣ той цитадели, въ которой лѣтъ тридцать, какъ окопались эти власти—романтизмъ и байронизмъ. Въ теченіе первой половины девятнадцатаго вѣка Кавказъ былъ для Россіи страной авантюръ и грезъ; всѣ разочарованные, всѣ игравшіе въ Чайльдъ Гарольда, устремлялись сюда... Къ этимъ горамъ устремляется и Оленинъ, истощенный цивилизаціей; онъ разстается съ своими прежними мыслями. На Кавказѣ на смѣну лирическимъ видѣніямъ, посѣщавшимъ старое поколѣніе, является философскій взглядъ на душу и на окружающую ее дѣйствительность, и передъ Оленинымъ открывается новый моральный міръ. Въ этомъ разсказѣ, по мнѣнію Вогюэ, у Толстого все живетъ: степь, лѣса, горы; они живутъ такою

---

¹⁾ Le Roman russe.

же жизнью, какъ и ихъ обитатели, и ихъ великіе голоса опираются на голоса человѣческіе ¹⁾).

И Вогюэ кажется, что міросозерцаніе Толстого уже въ „Козакахъ“ начинаетъ колебаться. „Три смерти“ резюмируютъ философію великаго писателя: самый лучшій, самый счастливый человѣкъ тотъ, кто думаетъ меньше и проще умираетъ. Слова эти не новы—они сказаны Руссо, но у Толстого они расширены.

Французскій критикъ, обращаясь къ „Войнѣ и Миру“, затрудняется сказать, можно-ли назвать романомъ эти нескончаемыя серіи эпизодовъ, портретовъ, разсужденій... Истиннымъ героемъ здѣсь является Россія. Между социальными явленіями война привлекаетъ наибольшее вниманіе романиста, говорящаго на основаніи опыта. Это методъ Стендаля, какъ полагаетъ французскій критикъ. Отъ Толстого нельзя ждать классическихъ тенденцій; арміи, дышащей героизмомъ, въ романѣ читатель не увидитъ: авторъ преслѣдуетъ только истину. Все здѣсь такъ просто, и герои волнуютъ до слезъ, герои, незнающіе самихъ себя.

Послѣ войны художникъ съ особенною страстью рисуетъ картины высшаго свѣта. Со времени Сень-Симона никому не удавалось въ такой степени раскрыть *механику* высшихъ сферъ.

Изъ героевъ романа Вогюэ въ особенности интересуется Андреемъ Болконскимъ—холоднымъ пессимистомъ и болѣе гуманнымъ, безконечно благодушнымъ Пьеромъ Безухимъ, подъ толщей котораго кроется такая тонкая, мистическая душа индусскаго монаха. Французскому писателю непонятенъ тотъ душевный переломъ, который происходитъ въ Пьерѣ, этомъ утонченномъ западной цивилизаціей человѣкѣ, поступающемъ въ школу къ Каратаеву, этому элементарному существу.

По поводу „Войны и Мира“ и „Анны Карениной“ ²⁾ Вогюэ поднимаетъ вопросъ о реализмѣ Толстого. Въ чемъ онъ близокъ и въ чемъ далекъ отъ французскихъ писате-

¹⁾ Le Roman russe.

²⁾ „Анну Каренину“ Вогюэ считаетъ литературнымъ завѣщаніемъ Толстого.

лей, открывшихъ собою серію реалистовъ? Русскій художникъ ничѣмъ имъ не обязанъ—онъ ихъ предшественникъ, и французскіе реалисты ничѣмъ не обязаны ему—они его абсолютно не знали. Можно было бы заподозрить вліяніе Стендаля, но... нѣтъ! У Бальзака Толстой взялъ, конечно, нѣсколько уроковъ, но трудно представить себѣ натуры болѣе противоположныя...

Вогюэ просить прощенія у французскихъ натуралистовъ: они никогда не достигнутъ той простоты, которая дѣлаетъ русскаго романиста такимъ всемогущимъ. У французовъ всегда чувствуется стремленіе приспособиться, замѣчается желаніе фиксировать вниманіе; имъ никогда не разстаться съ антитезой—этимъ великимъ и законнымъ литературнымъ ресурсомъ французскаго ума. Реализмъ Толстого направленъ на изученіе душъ, трудно понимаемыхъ, душъ, которыя противодѣйствуютъ наблюдателю утонченностью своего воспитанія, маской соціальной условности. Эта борьба художника съ его моделями поражаетъ Вогюэ, приводитъ его въ восторгъ, да Вогюэ-ли только!

Знаменитому критику кажется, что Толстой стоитъ надъ своими фигурами, двигаетъ ихъ, но... за этими фигурами виднѣется не его бѣдная человѣческая рука, а что—то страшное, мрачное—тѣнь безконечнаго и всегда присутствующаго, но не опредѣленной въ своемъ развитіи догма—одна изъ категорій божественной идеи, а какое-то нѣмое вопрошеніе къ недостижимому... Слышится какой-то отдаленный вздохъ... И здѣсь театръ Толстого расширяется—становится сценой Эсхила: въ сумракѣ глубины надъ несчастнымъ Прометеемъ видишь могущество, силу—этихъ вѣчныхъ незнакомцевъ...

Вогюэ сознаетъ, что какъ ни старается онъ распознать тѣ черты творчества Толстого, которыя, казалось-бы, подвели его подъ ту или другую изъ категорій, измышленныхъ нашей риторикой—писатель не укладывается въ эти рамки, а ускользаетъ изъ нихъ, какъ ускользаетъ и изъ рукъ критика...

Альфонсъ Додэ преклонялся передъ Толстымъ „Севастопольскихъ разсказовъ“, „Козаковъ“, „Войны и Мира“, „Анны Карениной“. Французскій романистъ предпочиталъ

стройную красоту и великолѣпный планъ „Анны Карениной“ другимъ романамъ Толстого и мало интересовался его болѣе поздними произведеніями.

Леону Додэ, какъ и большинству французскихъ литераторовъ, принадлежащихъ къ одному съ нимъ поколѣнію, авторъ „Войны и Мира“ представляется неприступнымъ, небоящимся никакихъ нападеній. Онъ считаетъ „Войну и Миръ“ классической книгой во Франціи, но для него Толстой не только художникъ, но и пророкъ доброты. Если Руссо открылъ природу внѣшнюю — великолѣпіе дубовъ, красоту ручьевъ, то русскій художникъ съ равною Руссо фугою пробѣгаетъ по пейзажамъ долга, проводя борозды, которыя трудно уже запахать ¹⁾).

Популярность Толстого и русскаго романа во Франціи съ 1885 года продолжаетъ расти и расти. Слова Вогюэ — „идеи, которыя пересоздаютъ Европу, исходятъ уже не изъ французской души“... ²⁾), эти историческія слова стали достояніемъ широкихъ круговъ французскаго общества.

Въ 1894 г. извѣстный критикъ Жюль Леметръ въ статьѣ „De l'influence récente des littératures du Nord“ отмѣчаетъ сильное увлеченіе своихъ соотечественниковъ произведеніями Толстого: „tout le monde se mit à tolstoïser“... ³⁾).

Поклонники Зола, Флобера и братьевъ Гонкуровъ поняли, что Толстой и русскіе писатели привнесли въ міровую литературу много правды и красоты.

Знакомство съ русскими романами, съ Достоевскимъ и Толстымъ было кстаті: ихъ *новое слово* говорило такъ много тѣмъ, кто уже сталъ постепенно разочаровываться въ всемогущество французскаго натурализма, кто съ безпокойствомъ сталъ оглядываться вокругъ, ища путей, которые бы повели въ область интуиціи и приблизили художника — изслѣдователя къ человѣческой душѣ, морали, религіи...

Въ это-то время раздаются все болѣе и болѣе громкіе и восторженные голоса поклонниковъ Толстого.

¹⁾ Léon Daudet, Les idées en marche.

²⁾ „Le Roman russe“; раньше на страницахъ „Revue des deux Mondes“.

³⁾ „Revue des deux Mondes“, 1894, XII.

Брюнетьеръ заявляетъ, что знакомство Франціи съ русскими романистами и Толстымъ—одна изъ историческихъ датъ во французской литературѣ ¹⁾. Фредерикъ Лоллье, упоминая о Толстомъ, замѣчаетъ, что онъ довелъ анализъ малѣйшихъ содроганій физической и моральной природы до возможныхъ предѣловъ ²⁾.

„Какъ передать то волненіе, которое охватило меня, да и всѣхъ, вступившихъ одновременно со мною въ область мысли, когда появились „Война и Миръ“ и „Анна Каренина“, восклицаетъ Викторъ Маргеритъ ³⁾.

„Можно-ли говорить о Толстомъ безъ глубокаго волненія, пишетъ Поль Маргеритъ. Могучій романистъ и провидѣцъ души—Толстой возрождаетъ жизнь въ величайшихъ фрескахъ“ ⁴⁾.

Для Марселя Прево Толстой не только разсказчикъ, творецъ пейзажей, эпохъ и людей—онъ создатель новыхъ чувствованій. „Ни одно почти произведеніе современныхъ французскихъ романистовъ и драматурговъ, по его мнѣнію, не было бы именно тѣмъ, что есть, еслибы не было Толстого. Этотъ великій русскій писатель—громадный фактъ во французской литературѣ“ ⁵⁾.

Произведенія Толстого широкою волною разливаются по Франціи въ то время, когда французская мысль устала отъ эксцесовъ натурализма.

Недостатки французской реалистической школы обнаружались особенно рѣзко, когда французскіе писатели познакомились съ реализмомъ у Джоржа Эліота, Достоевскаго въ особенности у Толстого... Вліяніе Толстого не ограничивается только областью романа: съ „Властью тьмы“ оно переходитъ и въ театр“ ¹⁾.

---

¹⁾ Etudes critiques sur l'histoire de la littérature française. Septième-série. La littérature européenne au XIX siècle.

²⁾ Histoire des littératures comparées des origines au XIX siècle.

³⁾ Международный Толстовскій альманахъ.

⁴⁾ I. с.

⁵⁾ I. с.

Въ эти годы во французской литературѣ поднимается рядъ жгучихъ вопросовъ и слышатся новые голоса, вѣщающіе о томъ, что помимо *фактовъ и документовъ* существуетъ вѣдь и внутренняя жизнь, мораль, совѣсть... И здѣсь мятущимся душамъ приходитъ на помощь то, что дала Россія — Достоевскій, Толстой... проповѣдуемая ими религія милосердія, особая теорія—теорія прощенія!

Въ это-же время раздается протестъ Брюнетьера противъ золаизма, и начинается колебаться вѣра въ его теоріи.

Подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Толстого кадры воспитанниковъ и поклонниковъ Зола начинаютъ замѣтно рѣдѣть. Наиболѣе видные изъ нихъ, писатели съ рѣзко выраженнымъ индивидуализмомъ — Эдуардъ Родъ и Поль Маргеритъ признаютъ банкротство литературныхъ доктринъ учителя и все болѣе преклоняются передъ *идеалистическимъ реализмомъ* Толстого; вслѣдъ за ними пошли братья Рони.

Но новыя теоріи обратили на себя вниманіе не только молодежи... И писатели старой школы остановились въ недоумѣніи передъ тѣми идеями, которыя пересоздаютъ Европу и идутъ изъ Россіи...

Развѣ не остановился въ раздумьи передъ рядомъ новыхъ проблемъ авторъ „Нана“ и „Ассомуара“ подъ конецъ своей литературной карьеры; развѣ не начинается онъ новой серіи романовъ, объединяемыхъ общимъ заглавіемъ „Четыре евангелія“... развѣ въ послѣднихъ его произведеніяхъ не проскальзываетъ мысль, что одно научное міровоззрѣніе оказывается безсильнымъ передъ запросами духа? Не замѣчается ли какая-то растерянность у Зола, такъ долго и искусно распоряжавшагося цѣлыми томами человѣческихъ документовъ при помощи одного лишь экспериментальнаго метода? И послѣднія произведенія Зола не говорятъ ли о томъ, что у этого позитивиста поднимается роковой вопросъ: не иллюзорно ли было убѣжденіе въ конечной побѣдѣ его доктрины; вселиленъ ли онъ отвѣтить на то, что вѣчно вол-

---

¹⁾ J. Texte, Les relations littéraires de la France avec l'étranger (Petit de Julleville, Histoire de la littérature française des origines à 1900. T. VIII. XIVe siècle. Période contemporaine).

нуетъ несчастное человѣчество?.. И онъ дѣлаетъ попытку (можетъ быть, она и не удалась!) создать иного рода *документы*—документы, въ которыхъ уже будутъ слышаться голоса не физиологін, а морали...

Такой переломъ мы замѣчаемъ въ старомъ Зола, а молодые французскіе романисты съ энтузіазмомъ заявляютъ въ своихъ признаніяхъ, что Толстой пропустилъ въ ихъ совѣсть такъ много свѣта и влилъ въ нее такую могучую волну любви!..

Достоевскій не разъ говорилъ о вліяніи французской литературы на нашу. Дѣйствительно, начиная съ вѣка энциклопедистовъ, Вольтера, Руссо и кончая блестящей эпохой французской литературы въ тридцатыхъ—сороковыхъ годахъ девятнадцатаго вѣка, мы многимъ обязаны Франціи.

Достоевскій мечталъ, что когда нибудь настанетъ та счастливая пора, когда и мы скажемъ свое слово, и къ нему станутъ прислушиваться въ Европѣ. Мечты Достоевскаго сбылись... Мы дожили до этого счастливаго времени.

Русское слово перешло за предѣлы нашей родины. Оно прозвучало на Западѣ какъ колоколъ, гласящій о милости, правдѣ и красотѣ, и западно-европейское эхо подхватило его и разнесло далеко—далеко... Наша національная совѣсть думается мнѣ, можетъ быть спокойна: русской литературой второй половины девятнадцатаго вѣка мы не только заплатили нашъ моральный долгъ Франціи, но отдали его съ лихвой...
